

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://to1stoyleo.ru> приятного чтения!

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой

1

Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как просвистало первое ядро с бастионов Севастополя и взрыло землю на работах неприятеля, и с тех пор тысячи бомб, ядер и пуль не переставали летать с бастионов, в траншеи и с траншей на бастионы и ангел смерти не переставал парить над ними.

Тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться, тысячи – успокоиться в объятиях смерти. Сколько звездочек надето, сколько снято, сколько Анн, Владимиров, сколько розовых гробов и полотняных покровов! А все те же звуки раздаются с бастионов, все так же – с невольным трепетом и суеверным страхом – смотрят в ясный вечер французы из своего лагеря на желтоватую изрытую землю бастионов Севастополя, на черные движущиеся по ним фигуры наших матросов и считают амбразуры, из которых сердито торчат чугунные пушки; все так же в трубу рассматривает с вышки телеграфа штурманский унтер-офицер пестрые фигуры французов, их батареи, палатки, колонны, движущиеся по Зеленой горе, и дымки, вспыхивающие в траншеях, и все с тем же жаром стремятся с различных сторон света разнородные толпы людей, с еще более разнородными желаниями, к этому роковому месту.

А вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью.

Мне часто приходила странная мысль: что, ежели бы одна воюющая сторона предложила другой – выслать из каждой армии по одному солдату? Желание могло бы показаться странным, но отчего не исполнить его? Потом выслать другого, с каждой стороны, потом третьего, четвертого и т. д., до тех пор, пока осталось бы по одному солдату в каждой армии (предполагая, что армии равносильны и что количество было бы заменяемо качеством). И тогда, ежели уже действительно сложные политические вопросы между разумными представителями разумных созданий должны решаться дракой, пускай бы подрались эти два солдата – один бы осаждал город, другой бы защищал его.

Это рассуждение кажется только парадоксом, но оно верно. Действительно, какая бы была разница между одним русским, воющим против одного представителя союзников, и между восьмьюдесятью тысячами воющих против восьмидесяти тысяч? Отчего не сто тридцать пять тысяч против ста тридцати пяти тысяч? Отчего не двадцать тысяч против двадцати тысяч? Отчего не двадцать против двадцати? Отчего не один против одного? Никак одно не логичнее другого. Последнее, напротив, гораздо логичнее, потому что человечнее. Одно из двух: или война есть сумасшествие, или ежели люди делают это сумасшествие, то они совсем не разумные создания, как у нас почему-то принято думать.

2

В осажденном городе Севастополе, на бульваре, около павильона играла полковая музыка, и толпы военного народа и женщин празднично двигались по дорожкам. Светлое весеннее солнце взошло с утра над английскими работами, перешло на бастионы, потом на город – на Николаевскую казарму и, одинаково радостно светя для них, теперь спускалось к далекому синему морю, которое, мерно колыхаясь, светило серебряным блеском.

Высокий, немного сутуловатый пехотный офицер, натягивая на руку не совсем белую, но опрятную перчатку, вышел из калитки одного из маленьких матросских домиков, настроенных на левой стороне Морской улицы, и, задумчиво глядя себе под ноги, направился в гору к бульвару. Выражение некрасивого с низким лбом лица этого офицера изобличало тупость умственных способностей, но притом рассудительность, честность и склонность к порядочности. Он был дурно сложен длинноног, неловок и как будто стыдлив в движениях. На нем была незатасканная фуражка, тонкая, немного странного лилового цвета шинель, из-под борта которой виднелась золотая цепочка часов; панталоны со штрипками и чистые, блестящие 1000, хотя и с немного стоптанными в разные стороны каблучками, опойковые сапоги, – но не столько по этим вещам, которые не встречаются обыкновенно у пехотного офицера, сколько по общему выражению его персоны, опытный военный глаз сразу отличал в

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
нем не совсем обыкновенного пехотного офицера, а немного повыше. Он должен был быть или немец, ежели бы не изобличали черты лица его чисто русское происхождение, или адъютант, или квартирмейстер полковой (но тогда бы у него были шпоры), или офицер, на время кампании перешедший из кавалерии, а может, и из гвардии. Он действительно был перешедший из кавалерии и в настоящую минуту, поднимаясь к бульвару, думал о письме, которое сейчас получил от бывшего товарища, теперь отставного, помещика Т. губернии, и жены его, бледной голубоглазой Наташи, своей большой приятельницы. Он вспомнил одно место письма, в котором товарищ пишет:

"Когда приносят нам "Инвалид", то Пупка (так отставной улан называл жену свою) бросается опростеть в переднюю, хватает газеты и бежит с ними на эс в беседку, в гостиную (в которой, помнишь, как славно мы проводили с тобой зимние вечера, когда полк стоял у нас в городе), и с таким жаром читает ваши геройские подвиги, что ты себе представить не можешь. Она часто про тебя говорит: "Вот Михайлов, - говорит она, - так это душа человек, я готова расцеловать его, когда увижу, - он сражается на бастионах и непременно получит Георгиевский крест, и про него в газетах напишут", и т. д., и т. д., так что я решительно начинаю ревновать к тебе". В другом месте он пишет: "До нас газеты доходят ужасно поздно, а хотя изустных новостей и много, не всем можно верить. Например, знакомые тебе барышни с музыкой рассказывали вчера, что уж будто Наполеон пойман нашими казаками и отослан в Петербург, но ты понимаешь, как много я этому верю. Рассказывал же нам один приезжий из Петербурга (он у министра, по особым порученьям, премилый человек, и теперь, как в городе никого нет, такая для нас ресурс, что ты себе представить не можешь) - так он говорит наверно, что наши заняли Евпаторию, так что французам нет уже сообщения с Балаклавой, и что у нас при этом убито двести человек, а у французов до пятнадцати тысяч. Жена была в таком восторге по этому случаю, что кутила целую ночь, и говорит, что ты, наверно, по ее предчувствию, был в этом деле и отличился..."

Несмотря на те слова и выражения, которые я нарочно отметил курсивом, и на весь тон письма, по которым высокомерный читатель, верно, составил себе истинное и невыгодное понятие в отношении порядочности о самом штабс-капитане Михайлове, на стоптанных сапогах, о товарище его, который пишет ресурс и имеет такие странные понятия о географии, о бледном друге на эсе (может быть, даже и не без основания вообразив себе эту Наташу с грязными ногтями), и вообще о всем этом праздном грязненьком провинциальном презренном для него круге, штабс-капитан Михайлов с невыразимо грустным наслаждением вспомнил о своем губернском бледном друге и как он сживал, бывало, с ним по вечерам в беседке и говорил о чувстве, вспомнил о добром товарище-улане, как он сердился и ремизился, когда они, бывало, в кабинете составляли пульку по копейке, как жена смеялась над ним, - вспомнил о дружбе к себе этих людей (может быть, ему казалось, что было что-то больше со стороны бледного друга) : все эти лица с своей обстановкой мелькнули в его воображении в удивительно-сладком, отрадно-розовом цвете, и он, улыбаясь своим воспоминаниям, дотронулся рукою до кармана, в котором лежало это милое для него письмо. Эти воспоминания имели тем большую прелесть для штабс-капитана Михайлова, что тот круг, в котором ему теперь привелось жить в пехотном полку, был гораздо ниже того, в котором он вращался прежде, как кавалерист и дамский кавалер, везде хорошо принятый в городе Т.

Его прежний круг был до такой степени выше теперешнего, что когда в минуты откровенности ему случалось рассказывать пехотным товарищам, как у него были свои дрожки, как он танцевал на балах у губернатора и играл в карты с штатским генералом, его слушали равнодушно 1000 но-недоверчиво, как будто не желая только противоречить и доказывать противное-"пускай говорит", мол, и что ежели он не выказывал явного презрения к кутежу товарищей - водкой, к игре по четверти копейки на старые карты, и вообще к грубости их отношений, то это надо отнести к особенной кротости, уживчивости и рассудительности его характера.

От воспоминаний штабс-капитан Михайлов невольно перешел к мечтам и надеждам. "Каково будет удивление и радость Наташи, - думал он, шагая на своих стоптанных сапогах по узенькому переулочку, - когда она вдруг прочтет в "Инвалиде" описание, как я первый влез на пушку и получил Георгия. Капитана же я должен получить по старому представлению. Потом очень легко я в этом же году могу получить майора по линии, потому что много перебито, да и еще, верно, много перебьет нашего брата в эту кампанию. А потом опять будет дело, и мне, как известному человеку, поручат полк... подполковник... Анну на шею... полковник..."-и он был уже генералом, достаивающим посещения Наташу, вдову товарища, который, по его

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
мечтам, умрет к этому времени, когда звуки бульварной музыки ясное долетели до его слуха, толпы народа кинулись ему в глаза, и он очутился на бульваре прежним пехотным штабс-капитаном, ничего не значащим, неловким и робким.

3

Он подошел сначала к павильону, подле которого стояли музыканты, которым вместо пюпитров другие солдаты того же полка, раскрывши, держали ноты и около которых, больше смотря, чем слушая, составили кружок писаря, юнкера, няньки с детьми и офицеры в старых шинелях. Кругом павильона стояли, сидели и ходили большею частью моряки, адъютанты и офицеры в белых перчатках и новых шинелях. По большой аллее бульвара ходили всяких сортов офицеры и всяких сортов женщины, изредка в шляпках, большей частью в платочках (были и без платочков и без шляпок), но ни одной не было старой, а замечательно, что все молодые. Внизу по тенистым пахучим аллеям белых акаций ходили и сидели уединенные группы.

Никто особенно рад не был, встретив на бульваре штабс-капитана Михайлова, исключая, может быть, его полка капитанов Обжогова и Сусликова, которые с горячностью пожали ему руку, но первый был в верблюжьих штанах, без перчаток, в обтрепанной шинели и с таким красным, вспотевшим лицом, а второй кричал так громко и развязно, что совестно было ходить с ними, особенно перед офицерами в белых перчатках, из которых с одним – с адъютантом – штабс-капитан Михайлов кланялся, а с другим – штаб-офицером – мог бы кланяться, потому что два раза встречал его у общего знакомого. Притом же, что веселого ему было гулять с этими господами Обжоговым и Сусликовым, когда он и без того по шести раз на день встречал их и пожимал им руки. Не для этого же он пришел на музыку.

Ему бы хотелось подойти к адъютанту, с которым он кланялся, и поговорить с этими господами совсем не для того, чтобы капитаны Обжогов и Сусликов, и поручик Паштецкий, и другие видели, что он говорит с ними, но просто для того, что они приятные люди, притом знают все новости – порассказали бы...

Но отчего же штабс-капитан Михайлов боится и не решается подойти к ним? "Что, ежели они вдруг мне не поклонятся, – думает он, – или поклонятся и будут продолжать говорить между собою, как будто меня нет, или вовсе уйдут от меня, и я там останусь один между аристократами?" Слово аристократы (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было сословии) получило у нас в России, где бы, кажется, вовсе не должно было быть его, с некоторого времени большую популярность и проникло во все края и во все слои общества, куда проникло только тщеславие (а в какие условия времени и обстоятельств не проникает эта гнусная страстишка?), – между купцами, между чиновниками, писарями, офицерами, в Саратов, в Мамадыши, в Винницы, везде, где есть люди. А так как в осажденном городе Севастополе людей много, следовательно, и тщеславия много, то есть и аристократы, несмотря на то, что ежеминутно висит смерть над головой каждого аристократа и неаристократа.

Для капитана Обжогова штабс-капитан Михайлов аристократ, потому что у него чистая шинель и перчатки, и он его за это терпеть не может, хотя уважает немного; для штабс-капитана Михайлова адъютант Калугин аристократ, потому что он адъютант и на "ты" с другим адъютантом, и за это он не совсем хорошо расположен к нему, хотя и боится его. Для адъютанта Калугина граф Нордов аристократ, и он его всегда ругает и презирает в душе за то, что он флигель-адъютант. Ужасное слово аристократ. Зачем подпоручик Зобов так принужденно смеется, хотя ничего нет смешного, проходя мимо своего товарища, который сидит с штаб-офицером? Чтобы доказать этим, что, хотя он и не аристократ, но все-таки ничуть не хуже их. Зачем штаб-офицер говорит таким слабым, лениво-грустным, не своим голосом? Чтобы доказать своему собеседнику, что он аристократ и очень милостив, разговаривая с подпоручиком. Зачем юнкер так размахивает руками и подмигивает, идя за барыней, которую он в первый раз видит и к которой он ни за что не решится подойти? Чтобы показать всем офицерам, что, несмотря на то, что он им шапку снимает, он все-таки аристократ и ему очень весело. Зачем артиллерийский капитан так грубо обошелся с добродушным ординарцем? Чтобы доказать всем, что он никогда не заискивает и в аристократах не нуждается, и т. д., и т. д., и т. д.

Тщеславие, тщеславие и тщеславие везде – даже на краю гроба и между людьми, готовыми к смерти из-за высокого убеждения. Тщеславие! Должно быть, оно есть характеристическая черта и особенная болезнь нашего века. Отчего между прежними людьми по слышно было об этой страсти, как об оспе или холере? Отчего в наш век

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
есть только три рода людей: одних – принимающих начало тщеславия как факт необходимо существующий, поэтому справедливый, и свободно подчиняющихся ему; других – принимающих его как несчастное, но непреодолимое условие, и третьих – бессознательно, рабски действующих под его влиянием? Отчего Гомеры и Шекспиры говорили про любовь, про славу и про страдания, а литература нашего века есть только бесконечная повесть "Снобсов" и "Тщеславия"?

Штабс-капитан Михайлов два раза в нерешительности прошел мимо кружка своих аристократов, в третий раз сделал усилие над собой и подошел к ним. Кружок этот составляли четыре офицера: адъютант Калугин, знакомый Михайлова, адъютант князь Гальцин, бывший даже немножко аристократом для самого Калугина, подполковник Нефердов, один из так называемых ста двадцати двух светских людей, поступивших на службу из отставки под влиянием отчасти патриотизма, отчасти честолюбия и, главное, того, что все это делали; старый клубный московский холостяк, здесь присоединившийся к партии недовольных, ничего не делающих, ничего не понимающих и осуждающих все распоряжения начальства, и ротмистр Праскухин, тоже один из ста двадцати двух героев. К счастью Михайлова, Калугин был в прекрасном расположении духа (генерал только что поговорил с ним весьма доверенно, и князь Гальцин, приехав из Петербурга, остановился у него), он счел не унизительным подать руку штабс-капитану Михайлову, чего не решился, однако, сделать Праскухину, весьма часто встречавшийся на бастионе с Михайловым, неоднократно пивший его вино и водку и даже должный ему по преферансу двенадцать рублей с полтиной. Не зная еще хорошенько князя Гальцина, ему не хотелось изобличить перед ним свое знакомство с простым пехотным штабс-капитаном; он слегка поклонился ему.

- Что, капитан, - сказал Калугин, - когда опять на баксиончик? Помните, как мы с вами встретились на Шварцовском редуте, - жарко было? а?

- Да, жарко, - сказал Михайлов, с прискорбием вспоминая о том, какая у него была печальная фигура, когда он в ту ночь, согнувшись, пробираясь по траншее на бастион, встретил Калугина, который шел таким молодцом, бодро побрякивая саблей.

- Мне, по-настоящему, приходится завтра идти, но у нас болен, - продолжал Михайлов, - один офицер, так... - Он хотел рассказать, что черед был не его, но так как командир восьмой роты был нездоров, а в роте оставался прапорщик только, то он счел своей обязанностью предложить себя на место поручика Непшитшетского и потому шел нынче на бастион. Калугин не дослушал его.

- А я чувствую, что на днях что-нибудь будет, - сказал он князю Гальцину.

- А что, не будет ли нынче чего-нибудь? - робко спросил Михайлов, поглядывая то на Калугина, то на Гальцина. Никто не отвечал ему. Князь Гальцин только сморщился как-то, пустил глаза мимо его фуражки и, помолчав немного, сказал:

- Славная девочка эта в красном платочке. Вы ее не знаете, капитан?

- Это около моей квартиры дочь одного матроса, - отвечал штабс-капитан.

- Пойдемте посмотрим ее хорошенько.

И князь Гальцин взял под руку с одной стороны Калугина, с другой штабс-капитана, вперед уверенный, что это не может не доставить последнему большого удовольствия, что действительно было справедливо.

Штабс-капитан был суеверен и считал большим грехом перед делом заниматься женщинами, но в этом случае он притворился большим развратником, чему, видимо, не верили князь Гальцин и Калугин и что чрезвычайно удивляло девицу в красном платочке, которая не раз замечала, как штабс-капитан краснел, проходя мимо ее окошка. Праскухин шел сзади и все толкал за руку князя Гальцина, делая разные замечания на французском языке; по так как вчетвером нельзя было идти по дорожке, он принужден был идти один и только на втором круге взял под руку подошедшего и заговорившего с ним известно храброго морского офицера Сервягина, желавшего тоже присоединиться к кружку аристократов. И известный храбрец с радостью просунул свою мускулистую, честную руку за локоть, всем и самому Сервягину хорошо известному за не слишком хорошего человека, Праскухину. Но когда Праскухин, объясняя князю Гальцину свое знакомство с этим моряком, шепнул ему, что это был известный храбрец, князь Гальцин, бывший вчера на четвертом бастионе и видевший от себя в двадцати шагах лопнувшую бомбу, считая себя не

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
меньшим храбрецом, чем этот господин, и предполагая, что весьма много репутаций
приобретается задаром, не обратил на Сервягина никакого внимания.

Штабс-капитану Михайлову так приятно было гулять в этом обществе, что он забыл про милое письмо из Т., про мрачные мысли, осаждавшие его при предстоящем отпращивании на бастион, и, главное, про то, что в семь часов ему надо было быть дома. Он пробыл с ними до тех пор, пока они не заговорили исключительно между собой, избегая его взглядов, давая тем знать, что он может идти, и, наконец, совсем ушли от него. Но штабс-капитан все-таки был доволен и, проходя мимо юнкера барона Песта, который был особенно горд и самонадеян со вчерашней ночи, которую он в первый раз провел в блиндаже пятого бастиона, и считал себя вследствие этого героем, он нисколько не огорчился подозрительно-высокомерным выражением, с которым юнкер вытянулся и снял перед ним фуражку.

4

Но едва штабс-капитан перешагнул порог своей, квартиры, как совсем другие мысли пошли ему в голову. Он увидел свою маленькую комнатку с земляным неровным полом и кривыми окнами, залепленными бумагой, свою старую кровать с прибитым над ней ковром, на котором изображена была амазонка и висели два тульские пистолета, грязную, с ситцевым одеялом постель юнкера, который жил с ним; увидел своего Никиту, который с взбудораженными сальными волосами, почесываясь, встал с полу; увидел свою старую шинель, личные сапоги и узелок, из которого торчали конец мыльного сыра и горлышко портерной бутылки с водкой, приготовленные для него на бастион, и с чувством, похожим на ужас, он вдруг вспомнил, что ему нынче на целую ночь идти с ротой в ложементы.

"Наверное, мне быть убитым нынче, - думал штабс-капитан, - я чувствую. И главное, что не мне надо было идти, а я сам вызвался. И уж это всегда убьют того, кто напрашивается. И чем болен этот проклятый Непшитшетский? Очень может быть, что и вовсе не болен, а тут из-за него убьют человека, а непременно убьют. Впрочем, ежели не убьют, т 1000 о, верно, представят. Я видел, как полковому командиру понравилось, когда я сказал, что позвольте мне идти, ежели поручик Непшитшетский болен. Ежели не выйдет майора, то уж Владимира наверно. Ведь я уж тринадцатый раз иду на бастион. Ох, тринадцать! скверное число. Непременно убьют, чувствую, что убьют; но надо же было кому-нибудь идти, нельзя с прапорщиком роте идти, а что-нибудь бы случилось, ведь это честь полка, честь армии от этого зависит. Мой долг был идти... да, долг. А есть предчувствие". Штабс-капитан забывал, что это предчувствие, в более или менее сильной степени, приходило ему каждый раз, как нужно было идти на бастион, и не знал, что тоже, в более или менее сильной степени, предчувствие испытывает всякий, кто идет в дело. Немного успокоив себя этим понятием долга, которое у штабс-капитана, как и вообще у всех людей недалеких, было особенно развито и сильно, он сел к столу и стал писать прощальное письмо отцу, с которым последнее время был не совсем в хороших отношениях по денежным долам. Через десять минут, написав письмо, он встал от стола с мокрыми от слез глазами и, мысленно читая все молитвы, которые знал (потому что ему совестно было перед своим человеком громко молиться богу), стал одеваться. Еще очень хотелось ему поцеловать образок Митрофания, благословение покойницы матушки и в который он имел особенную веру, но так как он стыдился сделать это при Никите, то выпустил образа из сюртука так, чтобы мог их достать, не расстегиваясь, на улице. Пьяный и грубый слуга лениво подал ему новый сюртук (старый, который обыкновенно надевал штабс-капитан, идя на бастион, не был починен).

- Отчего не починен сюртук? Тебе только бы все спать, этакой! - сердито сказал Михайлов.

- Чего спать? - проворчал Никита. - День-деньской бегаешь, как собака: умаешься небось, - а тут не засни еще.

- Ты опять пьян, я вижу.

- Не на ваши деньги напился, что попрекаете.

- Молчи, скотина! - крикнул штабс-капитан, готовый ударить человека, еще прежде расстроенный, а теперь окончательно выведенный из терпения и огорченный грубостью Никиты, которого он любил, баловал даже и с которым жил уже двенадцать лет.

- Скотина! скотина! - повторял слуга. - И что ругаетесь скотиной, сударь? Ведь теперь время какое? нехорошо ругать.

Михайлов вспомнил, куда он идет, и ему стыдно стало.

- Ведь ты хоть кого выведешь из терпенья, Никита,- сказал он кротким голосом. - Письмо это к бабушке, на столе оставь так и не трогай,- прибавил он, краснея.

- Слушаю-с,- сказал Никита, расчувствовавшийся под влиянием вина, которое он выпил, как говорил "на свои деньги", и с видимым желанием заплакать, хлопая глазами.

Когда же на крыльце штабс-капитан сказал: "Прощай, Никита!"-то Никита вдруг разразился принужденными рыданиями и бросился целовать руки своего барина. "Прощайте, барин!" - всхлипывая, говорил он.

Старуха матроска, стоявшая на крыльце, как женщина, не могла не присоединиться тоже к этой чувствительной сцене, начала утирать глаза грязным рукавом и приговаривать что-то о том, что уж на что господа, и те какие муки принимают, и что она, бедный человек, вдовой осталась, и рассказала в сотый раз пьяному Никите о своем горе: как ее мужа убили еще в первую бандировку и как ее домишко весь разбили (тот, в котором она жила, принадлежал не ей), и т. д., и т. д. По уходе барина Никита закурил трубку, попросил хозяйскую девочку сходить за водкой и весьма скоро перестал плакать, а напротив, побранился с старухой за какую-то ведерку, которую она ему будто бы раздавила.

"А может быть, только ранят,- рассуждал сам с собою штабс-капитан, уже сумерками подходя с ротой к бастиону. - Но куда? как? сюда или сюда? - думал он, мысленно указывая на живот и на грудь. - Вот ежели бы сюда,- он думал о верхней части ноги,- да кругом бы обошла. Ну, а как сюда да осколком -кончено!"

Штабс-капитан, однако, сгибаясь, по траншея 1000 м благополучно дошел до ложементов, расставил с саперным офицером, уже в совершенной темноте, людей на работы и сел в ямочку под бруствером. Стрельба была малая; только изредка вспыхивали то у нас, то у него молнии, и светящаяся трубка бомбы прокладывала огненную дугу на темном звездном небе. Но все бомбы ложились далеко сзади и справа ложемента, в котором в ямочке сидел штабс-капитан, так что он успокоился отчасти, выпил водки, закусил мыльным сыром, закурил папиросу и, помолвившись богу, хотел заснуть немного.

Князь Гальцин, подполковник Нефердов, юнкер барон Пест, который встретил их на бульваре, и Праскухин, которого никто не звал, с которым никто не говорил, но который не отставал от них, все с бульвара пошли пить чай к Калугину.

- Ну так ты мне не досказал про Ваську Менделя,- говорил Калугин, сняв шинель, сидя около окна на мягком, покойном кресле и расстегивая воротник чистой крахмальной голландской рубашки,- как же он женился?

- Умора, братец! Je vous dis, il y avait un temps ou on ne parlait que de ca a Petersbourg [Я вам говорю, что одно время только об этом и говорили в Петербурге (франц.)], - сказал, смеясь, князь Гальцин, вскакивая от фортепьян, у которых он сидел, и садясь на окно подле Калугина,- просто умора. Уж я все это знаю подробно. - И он весело, умно и бойко стал рассказывать какую-то любовную историю, которую мы пропустим потому, что она для нас не интересна.

Но замечательно то, что не только князь Гальцин, но и все эти господа, расположившись здесь кто на окне, кто задравши ноги, кто за фортепьянами, казались совсем другими людьми, чем на бульваре: не было этой смешной надутости, высокомерности, которые они выказывали пехотным офицерам; здесь они были между своими в натуре, и особенно Калугин и князь Гальцин, очень милыми, веселыми и добрыми ребятами. Разговор шел о петербургских сослуживцах и знакомых.

- Что Масловский?

- Который? лейб-улан или конногвардеец?

- Я их обоих знаю. Конногвардеец при мне мальчишка был, только что из школы

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
вышел. Что старший – ротмистр?

– О! уж давно.

– Что, все возится с своей цыганкой?

– Нет, бросил, – и т. д. в этом роде.

Потом князь Гальцин сел к фортепьянам и славно спел цыганскую песенку. Праскухин, хотя никто не просил его, стал вторить, и так хорошо, что его уж просили вторить, чему он был очень доволен.

Человек вошел с чаем со сливками и крендельками на серебряном подносе.

– Подай князю, – сказал Калугин.

– А ведь странно подумать, – сказал Гальцин, взяв стакан и отходя к окну, что мы здесь в осажденном городе: фортапьясы, чай со сливками, квартира такая, что я, право, желал бы такую иметь в Петербурге.

– Да уж ежели бы еще этого не было, – сказал всем недовольный старый подполковник, – просто было бы невыносимо это постоянное ожидание чего-то... видеть, как каждый день бьют, бьют – и все нет конца, ежели при этом бы жить в грязи и не было бы удобств.

– А как же наши пехотные офицеры, – сказал Калугин, – которые живут на бастионах с солдатами, в блиндаже и едят солдатский борщ, – как им-то?

– Вот этого я не понимаю и, признаюсь, не могу верить, – сказал Гальцин, чтобы люди в грязном белье, во вшах и с неумытыми руками могли бы быть храбры. Этак, знаешь, *cette belle bravoure de gentilhomme* [этой прекрасной храбрости дворянина (франц.)], – не может быть.

– Да они и не понимают этой храбрости, – сказал Праскухин.

– Ну что ты говоришь пустяки, – сердито перебил Калугин, – уж я видел их здесь больше тебя и всегда и везде скажу, что наши пехотные офицеры хоть, правда, во вшах и по десять дней белья не переменяют, а это герои, удивительные люди.

В это время в комнату вошел пехотный офицер.

– Я... мне приказано... я могу ли явиться к ген... к его превосходительству 1000 фу от генерала NN.? – спросил он, робея и кланяясь.

Калугин встал, но, не отвечая на поклон офицера, с оскорбительной учтивостью и натянутой официальной улыбкой спросил офицера, не угодно ли им подождать, и, не попросив его сесть и не обращая на него больше внимания, повернулся к Гальцину и заговорил по-французски, так что бедный офицер, оставшись посередине комнаты, решительно не знал, что делать с своей персоной и руками без перчаток, которые висели перед ним.

– Но крайне нужному делу-с, – сказал офицер после минутного молчания.

– А! так пожалуйста, – сказал Калугин с той же оскорбительной улыбкой, надевая шинель и провожая его к двери.

– *Eh bien, messieurs, je crois que cela chauffera cette nuit* [ну, господа, нынче ночью, кажется, будет жарко (франц.)], – сказал Калугин, выходя от генерала.

– А? что? что? вылазка? – стали спрашивать все.

– Уж не знаю – сами увидите, – отвечал Калугин с таинственной улыбкой.

– Да ты мне скажи, – сказал барон Пест, – ведь ежели есть что-нибудь, так я должен идти с Т. полком на первую вылазку.

– Ну, так и иди с богом.

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru

- И мой принципал на бастионе, стало быть, и мне надо идти, - сказал Праскухин, надевая саблю, но никто не отвечал ему: он сам должен был знать, идти ли ему или нет.

- Ничего не будет, уж я чувствую, - сказал барон Пест, с замиранием сердца думая о предстоящем деле, но лихо набок падевая фуражку и громкими твердыми шагами выходя из комнаты вместе с Праскухиным и Нефердовым, которые тоже с тяжелым чувством страха торопились к своим местам. "Прощайте, господа". - "До свиданья, господа! еще нынче ночью увидимся", - прокричал Калугин из окошка, когда Праскухин и Пест, нагнувшись на луки казачьих седел, должно быть, воображая себя казаками, прорысили по дороге.

- Да, немножко! - прокричал юнкер, который не разобрал, что ему говорили, и топот казачьих лошадок скоро стих в темной улице.

- Non, dites moi, est-ce qu'il y aura veritablement quelque chose cete nuit? [Нет, скажите: правда, нынче ночью что-нибудь будет? (франц.)] - сказал Гальцин, лежа с Калугиным на окошке и глядя на бомбы, которые поднимались над бастионами.

- .Тебе я могу рассказать, видишь ли, ведь ты был на бастионах? (Гальцин сделал знак согласия, хотя он был только раз на четвертом бастионе). Так против нашего люнета была траншея, - и Калугин, как человек неспециальный, хотя и считавший свои военные суждения весьма верными, начал, немного запутанно и перевирая фортификационные выражения, рассказывать положение наших и неприятельских работ и план предполагавшегося дела.

- Однако начинают попукивать около ложементов. Ого! Это наша или его? вон лопнула, - говорили они, лежа на окне, глядя на огненные линии бомб, скрещивающиеся в воздухе, на молнии выстрелов, на мгновение освещавшие темно-синее небо, и белый дым пороха и прислушиваясь к звукам все усиливающейся и усиливающейся стрельбы.

- Que1 charmant coup d'oeil! [какой красивый вид! (франц.)] а? - сказал Калугин, обращая внимание своего гостя на это действительно красивое зрелище. - Знаешь, звезды не различишь от бомбы иногда.

- Да, я сейчас думал, что это звезда, а она опустилась, вот лопнула, а эта большая звезда - как ее зовут? - точно как бомба.

- Знаешь, я до того привык к этим бомбам, что, я уверен, в России в звездную ночь мне будет казаться, что это всё бомбы: так привыкнешь.

- Однако не пойти ли мне на эту вылазку? - сказал князь Гальцин после минутного молчания, содрогаясь при одной мысли быть там во время такой страшной канонады и с наслаждением думая о том, что его ни в каком случае не могут послать туда ночью.

- Полно, братец! и не думай, да и я тебя не пушу, - отвечал Калугин, очень хорошо зная, однако, что Гальцин ни за что не пойдет туда. - Еще успеешь, братец!

- 1000 Серьезно? Так думаешь, что не надо ходить? а? В это время в том направлении, по которому смотрели эти господа, за артиллерийским гулом послышалась ужасная трескотня ружей, и тысячи маленьких огней, беспрестанно вспыхивая, заблестели по всей линии.

- Вот оно когда пошло настоящее! - сказал Калугин. - Этого звука ружейного я слышать не могу хладнокровно, как-то, знаешь, за душу берет. Вон и "ура", прибавил он, прислушиваясь к дальнему протяжному гулу сотен голосов: "а-а-а-а-а"- доносившихся до него с бастиона.

- Чье это "ура"? их или наше?

- Не знаю, но это уж рукопашная пошла, потому что стрельба затихла.

В это время под окном, к крыльцу, подскакал ординарец офицер с казаком и слез с лошади.

- Откуда?

- С бастиона. Генерала нужно.

- Пойдемте. Ну что?

- Атаковали ложементы... заняли... французы подвели огромные резервы... атаковали наших... было только два батальона,- говорил, запыхавшись, тот же самый офицер, который приходил вечером, с трудом переводя дух, но совершенно развязно направляясь к двери.

- Что ж, отступили? - спросил Гальцин.

- Нет,- сердито отвечал офицер,- подоспел батальон, отбили, но полковой командир убит, офицеров много, приказано просить подкрепления...

И с этими словами он с Калугиным прошел к генералу, куда уже мы не последуем за ними.

Через пять минут Калугин сидел верхом па казачьей лошади (и опять тон особенной quasi-казацкой посадкой, в которой, я замечал, вес адъютанты видят почему-то что-то особенно приятное) и рысцой ехал на бастион, с тем чтобы передать туда некоторые приказания и дожидаться известий об окончательном результате дела; а князь Гальцин, под влиянием того тяжелого волнения, которое производят обыкновенно близкие признаки дела на зрителя, не принимающего в нем участия, вышел на улицу и без всякой цели стал взад и вперед ходить по ней.

6

Толпы солдат несли на носилках и вели под руки раненых. На улице было совершенно темно; только редко, редко где светились окна в госпитале или у засидевшихся офицеров. С бастионов доносился тот же грохот орудий и ружейной перепалки, и те же огни вспыхивали на черном небе. Изредка слышался топот лошади проскакавшего ординарца, стон раненого, шаги и говор носильщиков или женский говор испуганных жителей, вышедших на крылечко посмотреть на канонаду.

В числе последних был и знакомый нам Никита, старая матроска, с которой он помирился уже, и десятилетняя дочь ее.

- Господи, мати пресвятая богородицы! - говорила в себя и вздыхая старуха, глядя на бомбы, которые, как огненные мячики, беспрестанно перелетали с одной стороны на другую.-Страсти-то, страсти какие! И-и-хи-хи. Такого и в первую бандировку не было. Вишь, где лопнула проклятая,- прямо над нашим домом в слободке.

- Нет, это дальше, к тетиньке Аринке в сад всё попадают,- сказала девочка.

- И где-то, где-то барин мой таперича? - сказал Никита нараспев и еще пьяный немного. - Уж как я люблю евтого барина своего, так сам не знаю. Он меня бьет, а все-таки я его ужасно как люблю. Так люблю, что если, избави бог, да убьют его грешным делом, так, верите ли, тетинька, я после евтого сам не знаю, что могу над собой произвести. Ей-богу! уж такой бариин, что одно слово! Разве с евtimi сменить, что тут в карты играют,- это что - тьфу! одно слово! - заключил Никита, указывая на светящееся окно комнаты барина, в которой во время отсутствия штабс-капитана юнкер Жвадческий позвал к себе на кутеж, по случаю получения креста, гостей: подпоручика Угровича и поручика Непшитшетского, того самого, которому надо было идти на бастион и который был нездоров флюсом.

- Звездочки-то, звездочки так и катятся,- глядя на небо, прервала девочка молчание, следовавшее за словами Никиты, - вон, вон еще скатилась! К чему это так? а, маынька?

- Совсем разобьют домишко наш,- сказала старуха, вздыхая и не отвечая на вопрос девочки.

- А как мы нынче с дяинькой ходили туда, маынь-ка, - продолжала певучим голосом разговорившаяся девочка,- так большущая такая ядро в самой комнатке подле шкапа лежит; она сенцы, видно, пробила да в горницу и влетела. Такая большущая, что не поднимешь.

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

- У кого были мужья да деньги, так повыхали,- говорила старуха,- а тут ох, горе-то, горе, последний домишко и тот разбили. Вишь как, вишь как палит злодей! Господи, господа!

- А как нам только выходить, как одна бомба прилети-и-ит, как лопни-и-ит, как - засыпи-и-ит землю, так даже чуть-чуть нас с дяинькой одним оскретком не задело.

- Крест ей за это надо,- сказал юнкер, который вместе с офицерами вышел в это время на крыльцо посмотреть на перепалку.

- Ты сходи до генерала, старуха,- сказал поручик Непшитшетский, трепля ее по плечу, - право!

- Pojde na ulice zobaczyc co tam powego [Сходить на улицу, узнать, что там новенького (польск.). Перев. Л. Н. Толстого.],-прибавил он, спускаясь с лесенки.

- A my tym czasem napijmy sie wodki, bo cos dusza w pietu usieka [А мы тем часом кнаксик сделаем, а то что-то уж очень страшно (польск.).-Перев. Л. Н. Толстого.], - сказал, смеясь, веселый юнкер Жвадчевский.

7

Все больше и больше раненых на носилках и пешком, поддерживаемых один другими и громко разговаривающих между собой, встречалось князю Гальцину.

- Как они подскочили, братцы мои,- говорил басом один высокий солдат, несший два ружья за плечами,- как подскочили, как крикнут: алла, алла! [Наши солдаты, воюя с турками, так привыкли к этому крику врагов, что теперь всегда рассказывают, что французы тоже кричат "алла!". (Прим. Л. Н. Толстого.)] так-так друг на друга и лезут. Одних бьешь, а другие лезут - ничего не сделаешь. Видимо-невидимо...

Но в этом месте рассказа Гальцин остановил его.

- Ты с бастиона?

- Так точно, ваше благородие.

- Ну, что там было? Расскажи.

- Да что было? Подступила их, ваше благородие, сила, лезут на вал, да и шабаш. Одолели совсем, ваше благородие!

- Как одолели? Да ведь вы отбили же?

- Где тут отбить, когда его вся сила подошла: перебил всех наших, а сикурсу не подают. (Солдат ошибался, потому что траншея была за нами, по это странность, которую всякий может заметить: солдат, раненный в деле, всегда считает его проигранным и ужасно кровопролитным.)

- Как же мне говорили, что отбили,- с досадой сказал Гальцин.

В это время поручик Непшитшетский в темноте, по белой фуражке, узнав князя Гальцина и желая воспользоваться случаем, чтобы поговорить с таким важным человеком, подошел к нему.

- Не изволите ли знать, что это такое было? - спросил он учтиво, дотрогиваясь рукою до козырька.

- Я сам расспрашиваю,-сказал князь Гальцин и снова обратился к солдату с двумя ружьями,- может быть, после тебя отбили? Ты давно оттуда?

- Сейчас, ваше благородие! - отвечал солдат. - Вряд ли, должно, за ним траншея осталась,- совсем одолел.

- Ну, как вам не стыдно - отдали траншею. Это ужасно! - сказал Гальцин, огорченный этим равнодушием. - Как вам не стыдно! - повторил он, отворачиваясь от солдата.

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

- О! это ужасный народ! Вы их не изволите знать,- подхватил поручик Непшитшетский,-я вам скажу, от этих людей ни гордости, ни патриотизма, ни чувства лучше не спрашивайте. Вы вот посмотрите, эти толпы идут, ведь тут десятой доли нет раненых, а то всё ассистенты, только бы уйти с дела. Подлый народ! Срам так поступать, ребята, срам! Отдать нашу траншею! - добавил он, обращаясь к солдатам.

- Что ж, когда сила! - проворчал солдат.

- И! ваши благородия,- заговорил в это время солд 1000 ат с носилок, поравнявшихся с ними,- как же не отдать, когда перебил всех почитай? Кабы наша сила была, ни в жисть бы не отдали. А то что сделаешь? Я одного заколол, а тут меня как ударит... О-ох, легче, братцы, ровнее, братцы, ровней иди... о-о-о! застонал раненый.

- А в самом деле, кажется, много лишнего народа идет,- сказал Гальцин, останавливая опять того же высокого солдата с двумя ружьями. - Ты зачем идешь? Эй ты, остановись!

Солдат остановился и левой рукой снял шапку.

- Куда ты идешь и зачем? - закричал он на него строго. - Него...

Но в это время, совсем вплоть подойдя к солдату, он наметил, что правая рука его была за обшлагом и в крови выше локтя.

- Ранен, ваше благородие!

- Чем ранен?

- Сюда-то, должно, пулей,- сказал солдат, указывая па руку,- а уж здесь не могу знать, чем голову-то прошибло,- и, нагнув ее, показал окровавленные и слипшиеся волосы на затылке.

- А ружье другое чье?

- Стуцер французской, ваше благородие, отнял; да я бы не пошел, кабы не евтого солдатика проводить, а то упадет неравно,- прибавил он, указывая на солдата, который шел немного впереди, опираясь на ружье и с трудом таща и передвигая левую ногу.

- А ты где идешь, мерзавец! - крикнул поручик Непшитшетский на другого солдата, который попался ему навстречу, желая своим рвением прислужиться важному князю. Солдат тоже был ранен.

Князю Гальцину вдруг ужасно стыдно стало за поручика Непшитшетского и еще больше за себя. Он почувствовал, что краснеет - что редко с ним случалось, отвернулся от поручика и, уже больше не расспрашивая раненых и не наблюдая за ними, пошел на перевязочный пункт.

С трудом пробившись на крыльце между пешком шедшими ранеными и носильщиками, входившими с ранеными и выходившими с мертвыми, Гальцин вошел в первую комнату, взглянул и тотчас же невольно повернулся назад и выбежал на улицу. Это было слишком ужасно!

8

Большая, высокая темная зала - освещенная только четырьмя или пятью свечами, с которыми доктора подходили осматривать раненых,- была буквально полна. Носильщики беспрестанно вносили раненых, складывали их один подле другого на пол, на котором уже было так тесно, что несчастные толкались и мокли в крови друг друга, и шли за новыми. Лужи крови, видные на местах незанятых, горячее дыхание нескольких сотен человек и испарения рабочих с носилками производили какой-то особенный, тяжелый, густой, вонючий смрад, в котором пасмурно горели четыре свечи на различных концах зала. Говор разнообразных стонов, вздохов, хрипений, прерываемый иногда пронзительным криком, носился по всей комнате. Сестры, с спокойными лицами и с выражением не того пустого женского болезненно-слезного сострадания, а деятельного практического участия, то там, то

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru сям, шагая через раненых, с лекарством, с водой, бинтами, корпией, мелькали между окровавленными шинелями и рубашками. Доктора, с мрачными лицами и засученными рукавами, стоя на коленях перед ранеными, около которых фельдшера держали свечи, всовывали пальцы в пульные раны, ощупывая их, и переворачивали отбитые висевшие члены, несмотря на ужасные стоны и мольбы страдальцев. Один из докторов сидел около двери за столиком и в ту минуту, как в комнату вошел Гальцин, записывал уже пятьсот тридцать второго.

- Иван Богаев, рядовой третьей роты С. полка, fractura femoris complicata [осложненное раздробление бедра (лат.)], - кричал другой из конца залы, ущупывая разбитую ногу. - Переверни-ка его.

- О-ой, отцы мои, вы наши отцы! - кричал солдат, умоляя, чтобы его не трогали.

- Perforatio capitis [Прободение черепа (лат.)].

- Семен Нефордов, подполковник Н. пехотного полка. Вы немножко потерпите, полковник, а то этак нельзя, я брошу, - говорил третий, ковыряя каким-то крючком в голове несчастного подполковника.

- Ай, не над 1000 о! Ой, ради бога, скорее, скорее, ради... а-а-а!

- Perforatio pectoris... [Прободение грудной полости (лат.)] Севастьян Середа, рядовой... какого полка?.. впрочем, не пишите: moritur [умирает (лат.)]. Несите его, - сказал доктор, отходя от солдата, который, закатив глаза, хрипел уже...

Человек сорок солдат-носильщиков, дожидаясь ноши перевязанных в госпиталь и мертвых в часовню, стояли у дверей и молча, изредка тяжело вздыхая, смотрели на эту картину...

.....
.....

9

По дороге к бастиону Калугин встретил много раненых; но, по опыту зная, как в деле дурно действует на дух человека это зрелище, он не только не останавливался расспрашивать их, но, напротив, старался не обращать на них никакого внимания. Под горой ему попался ординарец, который, марш-марш, скакал с бастиона.

- Зобкин! Зобкии! Постойте на минутку.

- Ну, что?

- Вы откуда?

- Из ложементов.

- Ну как там? жарко?

- Ад, ужасно!

И ординарец поскакал дальше.

Действительно, хотя ружейной стрельбы было мало, канонада завязалась с новым жаром и ожесточением.

"Ах, скверно!" - подумал Калугин, испытывая какое-то неприятное чувство, и ему тоже пришло предчувствие, то есть мысль очень обыкновенная - мысль о смерти. Но Калугин был не штабс-капитан Михайлов, он был самолюбив и одарен деревянными нервами, то, что называют храбр, одним словом. Он не поддался первому чувству и стал ободрять себя. Вспомнил про одного адъютанта, кажется Наполеона, который, передав приказания, марш-марш, с окровавленной головой подскочил к Наполеону.

- Vous etes blesse? [Вы ранены? (франц.)] - сказал ему Наполеон.

- Je vous demande pardon, sire, je suis tue [Извините, государь, я убит

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
(франц.).], - и адъютант упал с лошади и умер на месте.

Ему показалось, это очень хорошо, и он вообразил себя даже немножко этим адъютантом, потом ударил лошадь плетью, принял еще более лихую казацкую посадку, оглянулся на казака, который, стоя на стременах, рысил за ним, и совершенным молодцом приехал к тому месту, где надо было слезать с лошади. Здесь он нашел четырех солдат, которые, усевшись на камушки, курили трубки.

- Что вы здесь делаете? - крикнул он на них.

- Раненого отводили, ваше благородие, да отдохнуть присели,- отвечал один из них, пряча за спину трубку и снимая шапку.

- То-то отдохнуть! марш к своим местам, вот я полковому командиру скажу.

И он вместе с ними пошел по траншее в гору, на каждом шагу встречая раненых. Поднявшись в гору, он повернул в траншею налево и, пройдя по ней несколько шагов, очутился совершенно один. Близехонько от него прожужжал осколок и ударился в траншею. Другая бомба поднялась перед ним и, казалось, летела прямо на него. Ему вдруг сделалось страшно: он рысью пробежал шагов пять и упал на землю. Когда же бомба лопнула, и далеко от него, ему стало ужасно досадно на себя, и он встал, оглядываясь, не видал ли кто-нибудь его падения, но никого не было.

Уже раз проникнув в душу, страх не скоро уступает место другому чувству; он, который всегда хвастался, что никогда не нагибается, ускоренными шагами и чуть-чуть не ползком пошел по траншее. "Ах, нехорошо!-подумал он, спотыкнувшись,- непременно убьют",- и, чувствуя, как трудно дышалось ему и как пот выступал по всему телу, он удивлялся самому себе, но уже не пытался преодолеть своего чувства.

Вдруг чьи-то шаги послышались впереди его. Он быстро разогнулся, поднял голову и, бодро побрякивая саблей, пошел уже не такими скорыми шагами, как прежде. Он не узнавал себя. Когда он сошелся с встретившимся ему саперным офицером и матросом и первый крикнул ему: "Ложитесь!", указывая на светлую точку бомбы, которая, светлее и светлее, быстрее и быстрее приближаясь, шлепн 1000 улась около траншеи, он только немного и невольно, под влиянием испуганного крика, нагнул голову и пошел дальше.

- Вишь, какой бравый! - сказал матрос, который преспокойно смотрел на падавшую бомбу и опытным глазом сразу расчел, что осколки ее не могут задеть в траншее,- и ложиться не хочет.

Уже несколько шагов только оставалось Калугину перейти через площадку до блиндажа командира бастиона, как опять на него нашло затмение и этот глупый страх; сердце забилось сильнее, кровь хлынула в голову, и ему нужно было усилие над собою, чтобы пробежать до блиндажа.

- Что вы так запыхались? - сказал генерал, когда он ему передал приказания.

- Шел скоро очень, ваше превосходительство!

- Не хотите ли вина стакан?

Калугин выпил стакан вина и закурил папиросу. Дело уже прекратилось, только сильная канонада продолжалась с обеих сторон. В блиндаже сидел генерал N., командир бастиона и еще человек шесть офицеров, в числе которых был и Праскухин, и говорили про разные подробности дела. Сидя в этой уютной комнатке, обитой голубыми обоями, с диваном, кроватью, столом, на котором лежат бумаги, стенными часами и образом, перед которым горит лампадка, глядя на эти признаки жилья и на толстые аршинные балки, составлявшие потолок, и слушая выстрелы, казавшиеся слабыми в блиндаже, Калугин решительно понять не мог, как он два раза позволил себя одолеть такой непростительной слабости; он сердился на себя, и ему хотелось опасности, чтобы снова испытать себя.

- А вот я рад, что и вы здесь, капитан,- сказал он морскому офицеру в штаб-офицерской шинели, с большими усами и Георгием, который вошел в это время в блиндаж и просил генерала дать ему рабочих, чтобы исправить на его батарее две

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
амбразуры, которые были засыпаны. – Мне генерал приказал узнать, продолжал
Калугин, когда командир батареи перестал говорить с генералом, могут ли ваши
орудия стрелять по траншее картечью?

– Одно только орудие может, – угрюмо отвечал капитан.

– Все-таки пойдёмте посмотрим. Капитан нахмурился и сердито крякнул.

– Уж я всю ночь там простоял, пришел хоть отдохнуть немного, – сказал он, нельзя ли вам одним сходить? там мой помощник, лейтенант Карц, вам все покажет.

Капитан уже шесть месяцев командовал этой одной из самых опасных батарей, и даже, когда не было блиндажей, не выходя, с начала осады жил на бастионе и между морями имел репутацию храбрости. Поэтому-то отказ его особенно поразил и удивил Калугина.

"Вот репутации!" – подумал он.

– Ну, так я пойду один, если вы позволите, – сказал он несколько насмешливым тоном капитану, который, однако, не обратил на его слова никакого внимания.

Но Калугин не сообразил того, что он в разные времена всего-навсего провел часов пятьдесят на бастионах, тогда как капитан жил там шесть месяцев. Калугина еще возбуждали тщеславие – желание блеснуть, надежда на награды, на репутацию и прелесть риска; капитан же уж прошел через все это – сначала тщеславился, храбрился, рисковал, надеялся на награды и репутацию и даже приобрел их, но теперь уже все эти побудительные средства потеряли для него силу, и он смотрел на дело иначе: исполнял в точности свою обязанность, но, хорошо понимая, как мало ему оставалось случайностей жизни, после шестимесячного пребывания на бастионе уже не рисковал этими случайностями без строгой необходимости, так что молодой лейтенант, с неделю тому назад поступивший на батарею и показывавший теперь ее Калугину, с которым они бесполезно друг перед другом высывались в амбразуры и вылезали на банкеты, казался в десять раз храбрее капитана.

Осмотрев батарею и направляясь назад к блиндажу, Калугин наткнулся в темноте на генерала, который с своими ординарцами шел на вышку.

– Ротмистр Праскухин! – сказал генерал. – Сходите, пожалуйста, в правый ложемент и скажите второму батальону М. полка, который там на р 1000 аботе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? Сами отведите к полку.

– Слушаю-с.

И Праскухин рысью побегал к ложементу.

Стрельба становилась реже.

10

– Это второй батальон М. полка? – спросил Праскухин, прибежав к месту и наткнувшись на солдат, которые в мешках носили землю.

– Так точно-с.

– Где командир?

Михайлов, полагая, что спрашивают ротного командира, вылез из своей ямочки и, принимая Праскухина за начальника, держа руку у козырька, подошел к нему.

– Генерал приказал... вам... извольте идти... поскорей... и главное потише... назад, не назад, а к резерву, – говорил Праскухин, искоса поглядывая по направлению огней неприятеля.

Узнав Праскухина, опустив руку и разобрав, в чем дело, Михайлов передал приказанье, и батальон весело зашевелился, забрал ружья, надел шинели и двинулся.

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru

Кто не испытал, тот не может вообразить себе того наслаждения, которое ощущает человек, уходя после трех часов бомбардирования из такого опасного места, как ложементы. Михайлов, в эти три часа уже несколько раз считавший свой конец неизбежным и несколько раз успевший перецеловать все образа, которые были на нем, под конец успокоился немного, под влиянием того убеждения, что его непременно убьют и что он уже не принадлежит этому миру. Несмотря ни на что, однако, ему большого труда стоило удержать свои ноги, чтобы они не бежали, когда он перед ротой, рядом с Праскухиным, вышел из ложементов.

- До свиданья,- сказал ему майор, командир другого батальона, который оставался в ложементах и с которым они вместе закусывали мыльным сыром, сидя в ямочке около бруствера,- счастливого пути!

- И вам желаю счастливо отстоять; теперь, кажется, затихло.

Но только что он успел оказать это, как неприятель, должно быть, заметив движение в ложементах, стал палить чаще и чаще. Наши стали отвечать ему, и опять поднялась сильная канонада. Звезды высоко, но не ярко блестели на небе; ночь была темна - хоть глаз выколи,- только огни выстрелов и разрыва бомб мгновенно освещали предметы. Солдаты шли скоро и молча и невольно перегоняя друг друга; только слышны были за беспрестанными раскатами выстрелов мерный звук их шагов по сухой дороге, звук столкнувшихся штыков или вздох и молитва какого-нибудь робкого солдата: "Господи, господи! что это такое!" Иногда слышался стон раненого и крики: "носилки!" (В роте, которой командовал Михайлов, от одного артиллерийского огня выбыло в ночь двадцать шесть человек.) Вспыхивала молния па мрачном далеком горизонте, часовой с бастиона кричал: "Пу-уш-ка!", и ядро, жужжа над ротой, взрывало землю и взбрасывало камни.

"Черт возьми! как они тихо идут, - думал Праскухин, беспрестанно оглядываясь назад, шагая подле Михайлова,- право, лучше побегу вперед, ведь я передал приказанье... Впрочем, нет, ведь эта скотина может рассказывать потом, что я трус, почти так же, как я вчера про него рассказывал. Что будет, то будет - пойду рядом".

"И зачем он идет со мной,- думал, с своей стороны, Михайлов,- сколько я ни замечал, он всегда приносит несчастье; вот она еще летит прямо сюда, кажется".

Пройдя несколько сот шагов, они столкнулись с Калугиным, который, бодро побрякивая саблей, шел к ложементам, с тем чтобы, по приказанию генерала, узнать, как подвинулись там работы. Но, встретив Михайлова, он подумал, что, чем ему самому под этим страшным огнем идти туда, чего и не было ему приказано, он может расспросить все подробно у офицера, который был там. И действительно, Михайлов подробно рассказал про работы, хотя во время рассказа и немало позабавил Калугина, который, казалось, никакого внимания не обращал на выстрелы, - тем, что при каждом снаряде, иногда падавшем и весьма далеко, приседал, нагибал голову и все уверял, что "это пр 1000 ямо сюда".

- Смотрите, капитан, это прямо сюда,- сказал, подшучивая, Калугин и толкая Праскухина. Пройдя еще немного с ними, он повернул в траншею, ведущую к блиндажу. "Нельзя сказать, чтобы он был очень храбр, этот капитан",- подумал он, входя в двери блиндажа.

- Ну, что новенького? - спросил офицер, который, ужиная, один сидел в комнате.

- Да ничего, кажется, что уж больше дела не будет.

- Как не будет? напротив, генерал сейчас опять пошел на вышку. Еще полк пришел. Да вот она, слышите? опять пошла ружейная. Вы не ходите. Зачем вам? прибавил офицер, заметив движение, которое сделал Калугин.

"А мне, по-настоящему, непременно надо там быть,- подумал Калугин,- но уж я и так нынче много подвергал себя. Надеюсь, что я нужен не для одной chair a saup" [пушечное мясо (франц.)].

- И в самом деле, я их лучше тут подожду,- сказал он.

Действительно, минут через двадцать генерал вернулся вместе с офицерами, которые были при нем; в числе их был и юнкер барон Пест, но Праскухина не было.

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
Ложементы были отбиты и заняты нами.

Получив подробные сведения о деле, Калугин вместе с Пестом вышел из блиндажа.

11

- У тебя шинель в крови: неужели ты дрался в рукопашном? - спросил его Калугин.

- Ах, братец, ужасно! можешь себе представить... - И Пест стал рассказывать, как он вел всю роту, как ротный командир был убит, как он заколол француза и что ежели бы не он, то ничего бы но было и т. д.

Основания этого рассказа, что ротный командир был убит и что Пест убил француза, были справедливы; но, передавая подробности, юнкер выдумывал и хвастал.

Хвастал невольно, потому что, во время всего дела находясь в каком-то тумане и забытии до такой степени, что все, что случилось, казалось ему случившимся где-то, когда-то и с кем-то, очень естественно, он старался воспроизвести эти подробности с выгодной для себя стороны. Но вот как это было действительно.

Батальон, к которому прикомандирован был юнкер для вылазки, часа два под огнем стоял около какой-то стенки; потом батальонный командир впереди сказал что-то, ротные командиры зашевелились, батальон тронулся, вышел из-за бруствера и, пройдя шагов сто, остановился, построившись в ротные колонны. Песту сказали, чтобы он стал на правом фланге второй роты.

Решительно не отдавая себе отчета, где и зачем он был, юнкер стал на место и с невольно сдержанным дыханием и холодной дрожью, пробегавшей по спине, бессознательно смотрел вперед в темную даль, ожидая чего-то страшного. Ему, впрочем, не столько страшно было, потому что стрельбы не было, сколько дико, странно было подумать, что он находился вне крепости, в поле. Опять батальонный командир впереди сказал что-то. Опять шепотом заговорили офицеры, передавая приказания, и черная стена первой роты вдруг опустилась. Приказано было лечь. Вторая рота легла также, и Пест, ложась, наколол руку на какую-то колючку. Не лег только один командир второй роты, его невысокая фигура, с вынутой шпагой, которой он размахивал, не переставая говорить, двигалась перед ротой.

- Ребята! смотри, молодцами у меня! С ружей не палить, а штыками их, каналов! Когда я крикну "ура!" - за мной и не отставать... Дружней, главное дело... покажем себя, не ударим лицом в грязь, а, ребята? За царя, за батюшку! - говорил он, пересыпая свои слова ругательствами и ужасно размахивая руками.

- Как фамилия нашего ротного командира? - спросил Пест у юнкера, который лежал рядом с ним. - Какой он храбрый!

- Да, как в дело, всегда - мертвецки, - отвечал юнкер, - Лисинковский его фамилия.

В это время перед самой ротой мгновенно вспыхнуло пламя, раздался ужаснейший треск, оглушил всю роту, и высоко в воздухе зашуршели камни и осколки (по крайней мере, секунд через пятьдесят один камень упал сверху и отбил ногу солдату). Это была бо 1000 мба с элевационного станка, и то, что она попала в роту, доказывало, что французы заметили колонну.

- Бомбами пускать! сукин сын... Дай только добраться, тогда попробуешь штыка трехгранного русского, проклятый! - заговорил ротный командир так громко, что батальонный командир должен был приказать ему молчать и не шуметь так много.

Вслед за этим первая рота встала, за ней вторая - приказано было взять ружья наперевес, и батальон пошел вперед. Пест был в таком страхе, что он решительно не помнил, долго ли? куда? и кто, на что? Он шел как пьяный. Но вдруг со всех сторон заблестело миллион огней, засвистело, затрещало что-то; он закричал и побежал куда-то, потому что все бежали и все кричали. Потом он спотыкнулся и упал на что-то - это был ротный командир (который был ранен впереди роты и, принимая юнкера за француза, схватил его за ногу). Потом, когда он вырвал ногу и приподнялся, на него в темноте спиной наскочил какой-то человек и чуть опять не сбил с ног, другой человек кричал: "Коли его! что смотришь?" Кто-то взял ружье и сбил штык во что-то мягкое. "Ah! Dieu!" [О господи! (франц.)] - закричал кто-то страшным, пронзительным голосом, и тут только Пест понял, что он заколол

француза.

Холодный пот выступил у него по всему телу, он затрясся, как в лихорадке, и бросил ружье. Но это продолжалось только одно мгновение; ему тотчас же пришло в голову, что он герой. Он схватил ружье и вместе с толпой, крича "ура", побежал прочь от убитого француза, с которого тут же солдат стал снимать сапоги. Пробежав шагов двадцать, он прибежал в траншею. Там были наши и батальонный командир.

- А я заколол одного! - сказал он батальонному командиру.

- Молодцом, барон...

.....
.....
.....

12

- А знаешь, Праскухин убит, - сказал Пест, провожая Калугина, который шел к дому.

- Не может быть!

- Как же, я сам его видел.

- Прощай, однако, мне надо скорее.

"Я очень доволен, - думал Калугин, возвращаясь к дому, - в первый раз на мое дежурство счастье. Отличное дело, я - жив и цел, представления будут отличные, и уж непременно золотая сабля. Да, впрочем, я и стою ее".

Доложив генералу все, что нужно было, он пришел в свою комнату, в которой, уже давно вернувшись и дожидаясь его, сидел князь Гальцин, читая "Splendeur et miseres des courtisanes" [Одна из тех милых книг, которых развелось такая пропасть в последнее время и которые пользуются особенной популярностью почему-то между нашею молодежью. (Прим. Л. Н. Толстого.)], которую нашел на столе Калугина.

С удивительным наслаждением Калугин почувствовал себя дома, вне опасности, и, надев ночную рубашку, лежа в постели, уж рассказал Гальцину подробности дела, передавая их весьма естественно, - с той точки зрения, с которой подробности эти доказывали, что он, Калугин, весьма дельный и храбрый офицер, на что, мне кажется, излишне бы было намекать, потому что это все знали и не имели никакого права и повода сомневаться, исключая, может быть, покойника ротмистра Праскухина, который, несмотря на то, что, бывало, считал за счастье ходить под руку с Калугиным, вчера только по секрету рассказывал одному приятелю, что Калугин очень хороший человек, но, между нами будь сказано, ужасно не любит ходить на бастионы.

Только что Праскухин, идя рядом с Михайловым, разошелся с Калугиным и, подходя к менее опасному месту, начинал уже оживать немного, как он увидел молнию, ярко блеснувшую сзади себя, услышал крик часового; "Маркела!" - и слова одного из солдат, шедших сзади: "Как раз на батальон прилетит!"

Михайлов оглянулся: светлая точка бомбы, казалось, остановилась на своем зените - в том положении, когда решительно нельзя определить ее направления. Но это продолжалось только мгновение: бомба быстрее и быстрее, ближе и ближе, так что уже видны были искры трубки и сл 1000 ышно роковое посвистывание, опускалась прямо в середину батальона.

- Ложись! - крикнул чей-то испуганный голос.

Михайлов упал на живот. Праскухин невольно согнулся до самой земли и зажмурился; он слышал только, как бомба где-то очень близко шлепнулась на твердую землю. Прошла секунда, показавшаяся часом, - бомбу не рвало. Праскухин испугался, не напрасно ли он струсил, - может быть, бомба упала далеко и ему только казалось, что трубка шипит тут же. Он открыл глаза и с самолюбивым удовольствием увидел,

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
что Михайлов, которому он должен двенадцать рублей с полтиной, гораздо ниже и около самых ног его, недвижимо, прижавшись к нему, лежал на брюхе. Но тут же глаза его на мгновение встретились с светящейся трубкой, в аршине от него, крутившейся бомбы.

Ужас – холодный, исключаящий все другие мысли и чувства ужас-объял все существо его; он закрыл лицо руками и упал на колена.

Прошла еще секунда – секунда, в которую целый мир чувств, мыслей, надежд, воспоминаний промелькнул в его соображении.

"Кого убьет – меня или Михайлова? Или обоих вместе? А коли меня, то куда? в голову, так все кончено; а ежели в ногу, то отрежут, и я попрошу, чтобы непременно с хлороформом, – и я могу еще жив остаться. А может быть, одного Михайлова убьет, тогда я буду рассказывать, как мы рядом шли, и его убило и меня кровью забрызгало. Нет, ко мне ближе – меня".

Тут он вспомнил про двенадцать рублей, которые был должен Михайлову, вспомнил еще про один долг в Петербурге, который давно надо было заплатить; цыганский мотив, который он пел вечером, пришел ему в голову; Женщина, которую он любил, явилась ему в воображении, в чепце с лиловыми лентами; человек, которым он был оскорблен пять лет тому назад и которому он не отплатил за оскорбление, вспомнился ему, хотя вместе, нераздельно с этими и тысячами других воспоминаний, чувство настоящего – ожидания смерти и ужаса – ни на мгновение не покидало его. "Впрочем, может быть, не лопнет", – подумал он и с отчаянной решимостью хотел открыть глаза. Но в это мгновение, еще сквозь закрытые веки, глаза его поразил красный огонь, с страшным треском что-то толкнуло его в середину груди; он побежал куда-то, спотыкнулся на подвернувшуюся под ноги саблю и упал на бок.

"Слава богу! я только контужен", – было его первою мыслью, и он хотел руками дотронуться до груди, – но руки его казались привязанными, и какие-то тиски сдавливали голову. В глазах его мелькали солдаты – и он бессознательно считал их: "Один, два, три солдата, а вот в подвернутой шинели офицер", – думал он; потом молния блеснула в его глазах, и он думал, из чего это выстрелили: из мортиры или из пушки? Должно быть, из пушки; а вот еще выстрелили, а вот еще солдаты – пять, шесть, семь солдат, идут всё мимо. Ему вдруг стало страшно, что они раздавят его; он хотел крикнуть, что он контужен, но рот был так сух, что язык прилип к небу, и ужасная жажда мучила его. Он чувствовал, как мокро было у него около груди, – это ощущение мокроты напоминало ему о воде, и ему хотелось бы даже выпить то, чем это было мокро. "Верно, я в кровь разбился, как упал", – подумал он, и, все более и более начиная поддаваться страху, что солдаты, которые продолжали мелькать мимо, раздавят его, он собрал все силы и хотел крикнуть: "Возьмите меня", – но вместо этого застонал так ужасно, что ему страшно стало, слушая себя. Потом какие-то красные огни прыгали у него в глазах, – и ему показалось, что солдаты кладут на него камни; огни все прыгали реже и реже, камни, которые на него накладывали, давили его больше и больше. Он сделал усилие, чтобы раздвинуть камни, вытянулся и уже больше не видел, не слышал, не думал и не чувствовал. Он был убит на месте осколком в середину груди.

13

Михайлов, увидав бомбу, упал на землю и так же зажмурился, так же два раза открывал и закрывал глаза и так же, как и Праскухин, необъятно много передумал и перечувствовал в эти две секунды, во время которых бомба лежала неразорванной. Он мысленно молился богу и все твердил: "Да будет воля твоя! И зачем я пошел в военную службу, – вместе с тем думал он, – и еще перешел в пехоту, чтобы участвовать в кампании; не лучше ли было мне оставаться в уланском полку в городе Т., проводить время с моим другом Наташей... а теперь вот что!" И он начал считать: раз, два, три, четыре, загадывая, что ежели разорвет в чет, то он будет жив, а в нечет – то будет убит. "Все кончено! – убит!" – подумал он, когда бомбу разорвало (он не помнил, в чет или нечет), и он почувствовал удар и жестокую боль в голове. "Господи, прости мои согрешения!" – проговорил он, всплеснув руками, приподнялся и без чувств упал навзничь.

Первое ощущение, когда он очнулся, была кровь, которая текла по носу, и боль в голове, становившаяся гораздо слабее. "Это душа отходит, – подумал он, что будет там? Господи! Приими дух мой с миром. Только одно странно, рассуждал он, – что,

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru
умирая, я так ясно слышу шаги солдат и звуки выстрелов".

- Давай носилки - эй! ротного убило! - крикнул над его головой голос, который он невольно узнал за голос барабанщика Игнатьева.

Кто-то взял его за плечи. Он попробовал открыть глаза и увидел над головой темно-синее небо, группы звезд и две бомбы, которые летели над ним, догоняя одна другую, увидел Игнатьева, солдат с носилками и ружьями, вал траншеи и вдруг поверил, что он еще не на том свете.

Он был камнем легко ранен в голову. Самое первое впечатление его было как будто сожаление: он так было хорошо и спокойно приготовился к переходу туда, что на него неприятно подействовало возвращение к действительности, с бомбами, траншеями, солдатами и кровью; второе впечатление его была бессознательная радость, что он жив, и третье - страх и желание уйти скорей с бастиона. Барабанщик платком завязал голову своему командиру и, взяв его под руку, повел к перевязочному пункту.

"Куда и зачем я иду, однако? - подумал штабс-капитан, когда он опомнился немного. - Мой долг оставаться с ротой, а не уходить вперед, тем более что и рота скоро выйдет из-под огня,- шепнул ему какой-то голос,- а с раной остаться в деле - непременно награда".

- Не нужно, братец,- сказал он, вырывая руку от услужливого барабанщика, которому, главное, самому хотелось поскорее выбраться отсюда,- я не пойду на перевязочный пункт, а останусь с ротой.

И он повернул назад.

- Вам бы лучше перевязаться, ваше благородие, как следует,- сказал робкий Игнатьев, - ведь это сгоряча она только оказывает, что ничего, а то хуже бы не сделать, ведь тут вон какая жарня идет... право, ваше благородие.

Михайлов остановился на минуту в нерешительности и, кажется, последовал бы совету Игнатьева, ежели бы не вспомнилась ему сцена, которую он на днях видел на перевязочном пункте: офицер с маленькой царапиной на руке пришел перевязываться, и доктора улыбались, глядя на него, и даже один - с бакенбардами - сказал ему, что он никак не умрет от этой раны и что вилкой можно больней уколоться.

"Может быть, так же недоверчиво улыбнутся и моей ране, да еще скажут что-нибудь",-подумал штабс-капитан и решительно, несмотря на доводы барабанщика, пошел назад к роте.

- А где ординарец Праскухин, который шел со мной? - спросил он прапорщика, который вел роту, когда они встретились.

- Не знаю, убит, кажется,- неохотно отвечал прапорщик, который, между прочим, был очень недоволен, что штабс-капитан вернулся и тем лишил его удовольствия сказать, что он один офицер остался в роте.

- Убит или ранен? Как же вы не знаете, ведь он с нами шел. И отчего вы его не взяли?

- Где тут было брать, когда жарня этакая!

- Ах, как же вы это, Михал Иванович,- сказал Михайлов сердито,- как же бросить, ежели он жив; да и убит, так все-таки тело надо было взять,- как хотите, ведь он ординарец генерала и еще жив, может.

- Где жив, когда я вам говорю, я сам подходил и видел,- сказал п 1000 рапорщик.- Помилуйте! только бы своих уносить. Вон стерва! ядрами теперь стал пускать,- прибавил он, приседая. Михайлов тоже присел и схватился за голову, которая от движенья ужасно заболела у него.

- Нет, непременно надо сходить взять: может быть, он еще жив,- сказал Михайлов.
- Это наш долг, Михайло Иваныч!

Михаило Иваныч не отвечал.

"Вот ежели бы он был хороший офицер, он бы взял тогда, а теперь надо солдат посылать одних; а и посылать как? Под этим страшным огнем могут убить задаром",- думал Михайлов.

- Ребята! Надо сходить назад - взять офицера, что ранен там, в канаве, сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье,- и действительно, так как он ни к кому именно не обращался, никто не вышел, чтобы исполнить его.

- Унтер-офицер! Поди сюда.

Унтер-офицер, как будто не слыша, продолжал идти на своем месте.

"И точно, может, он уже умер и не стоит подвергать людей напрасной опасности, а виноват один я, что не позаботился. Схожу сам, узнаю, жив ли он. Это мой долг",- сказал сам себе Михайлов.

- Михал Иваныч! Ведите роту, а я вас догоню,- сказал он и, одной рукой подобрав шинель, другой рукой дотрагиваясь беспрестанно до образка Митрофания-угодника, в которого он имел особенную веру, почти ползком и дрожа от страха, рысью побежал по траншее.

Убедившись в том, что товарищ его был убит, Михайлов, так же пыхтя, приседая и придерживая рукой сбившуюся повязку и голову, которая сильно начинала болеть у него, потащился назад. Батальон уже был под горой на место и почти вне выстрелов, когда Михайлов догнал его. Я говорю: почти вне выстрелов, потому что изредка залетали и сюда шальные бомбы (осколком одной в эту ночь убит один капитан, который сидел во время дела в матросской землянке).

"Однако надо будет завтра сходить на перевязочный пункт записаться, подумал штабс-капитан, в то время как пришедший фельдшер перевязывал его,- это поможет к представленью".

14

Сотни свежих окровавленных тел людей, за два часа тому назад полных разнообразных, высоких и мелких надежд и желаний, с окоченелыми членами, лежали на росистой цветущей долине, отделяющей бастион от траншеи, и на ровном полу часовни Мертвых в Севастополе; сотни людей - с проклятиями и молитвами на пересохших устах - ползали, ворочались и стонали,- одни между трупами на цветущей долине, другие на носилках, на койках и на окровавленном полу перевязочного пункта; а все так же, как и в прежние дни, загорелась зарница над Сапун-горой, побледили мерцающие звезды, потянул белый туман с шумящего темного моря, зажглась алая заря на востоке, разбежались багровые длинные тучки по светло-лазурному горизонту, и все так же, как и в прежние дни, обещая радость, любовь и счастье всему ожившему миру, выплыло могучее, прекрасное светило.

15

На другой день вечером опять егерская музыка играла на бульваре, и опять офицеры, юнкера, солдаты и молодые женщины празднично гуляли около павильона и по нижним аллеям из цветущих душистых белых акаций.

Калугин, князь Гальцин и какой-то полковник ходили под руки около павильона и говорили о вчерашнем деле. Главную путеводительную нитью разговора, как это всегда бывает в подобных случаях, было не самое дело, а то участие, которое принимал, и храбрость, которую выказал рассказывающий в деле. Лица и звук голосов их имели серьезное, почти печальное выражение, как будто потери вчерашнего дня сильно трогали и огорчали каждого, но, сказать по правде, так как никто из них не потерял очень близкого человека (да и бывают ли в военном быту очень близкие люди?), это выражение печали было выражение официальное, которое они только считали обязанностью выказывать. Напротив, Калугин и полковник были бы готовы каждый день видеть такое дело, с тем чтобы только каждый раз получать золотую саблю и генерал-майора, несмо 1000 тры на то, что они были прекрасные люди. Я люблю, когда называют извергом какого-нибудь завоевателя, для своего честолюбия губящего миллионы. Да спросите по совести прапорщика Петрушова и подпоручика Антонова и т. д., всякий из них маленький Наполеон, маленький изверг

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoy1eo.ru
и сейчас готов затеять сражение, убить человек сотню для того только, чтоб
получить лишнюю звездочку или треть жалованья.

- Нет, извините, - говорил полковник, - прежде началось на левом фланге. Ведь я
был там.

- А может быть, - отвечал Калугин, - я больше был на правом; я два раза туда
ходил: один раз отыскивал генерала, а другой раз так, посмотреть ложементы
пошел. Вот где жарко было.

- Да уж, верно, Калугин знает, - сказал полковнику князь Гальцин, - ты знаешь, мне
нынче В... про тебя говорил, что ты молодцом.

- Потери только, потери ужасные, - сказал полковник тоном официальной печали, - у
меня в полку четыреста человек вышло. Удивительно, как я жив вышел оттуда.

В это время навстречу этим господам, на другом конце бульвара, показалась
лиловатая фигура Михайлова на стоптанных сапогах и с повязанной головой. Он
очень сконфузился, увидав их: ему вспомнилось, как он вчера приседал перед
Калугиным, и пришло в голову, как бы они не подумали, что он притворяется
раненым. Так что ежели бы эти господа не смотрели на него, то он бы сбежал вниз
и ушел бы домой, с тем чтобы не выходить до тех пор, пока можно будет снять
повязку.

- Il fallait voir dans quel etat je l'ai rencontre hier sous le feu [надо было
видеть, в каком состоянии я его встретил вчера под огнем (франц.)], улыгнувшись,
сказал Калугин в то время, как они сходились.

- Что, вы ранены, капитан? - сказал Калугин с улыбкой, которая значила: "что, вы
видели меня вчера? каков я?"

- Да, немножко, камнем, - отвечал Михайлов, краснея и с выражением на лице,
которое говорило: "видел, и признаюсь, что вы молодец, а я очень, очень плох".

- Est-ce que le pavillon est baisse deja? [Разве флаг уже спущен? (франц.)] -
спросил князь Гальцин опять с своим высокомерным выражением, глядя на фуражку
штабс-капитана и не обращаясь ни к кому в особенности.

- Non pas encore [нет еще (франц.)], - отвечал Михайлов, которому хотелось
показать, что он знает и поговорить по-французски.

- Неужели продолжается еще перемирие? - сказал Гальцин, учтиво обращаясь к нему
по-русски и тем говоря, - как это показалось штабс-капитану, - что вам, должно быть,
тяжело будет говорить по-французски, так не лучше ли уж просто?.. И с этим
адъютанты отошли от него.

Штабс-капитан, так же как и вчера, почувствовал себя чрезвычайно одиноким и,
поклонившись с разными господами - с одними не желая сходитьсь, а к другим не
решаясь подойти, - сел около памятника Казарского и закурил папиросу.

Барон Пест тоже пришел на бульвар. Он рассказывал, что был на перемирии и
говорил с французскими офицерами, что будто один французский офицер сказал ему:
"S'il n'avait pas fait clair encore pendant une demi-heure, les embuscades
auraient ete reprises" [Если бы еще полчаса было темно, ложементы были бы
вторично взяты (франц.)], и как он отвечал ему: "Monsieur! je ne dis pas non,
pour ne pas vous donner un dementi" [Я не говорю нет, только чтобы вам не
противоречить (франц.)], и как хорошо он сказал и т. д.

В сущности же, хотя и был на перемирии, он не успел сказать там ничего очень
умного, хотя ему и ужасно хотелось поговорить с французами (ведь это ужасно
весело говорить с французами). Юнкер барон Пест долго ходил по линии и все
спрашивал французоз, которые были близко к нему: "De quel regiment etes-vous?"
[Какого вы полка? (франц.)] Ему отвечали - и больше ничего. Когда же он зашел
слишком далеко за линию, то французский часовой, не подозревая, что этот солдат
знает по-французски, в третьем лице выругал его. "Il vient regarder nos travaux
se sacre s....." [Он идет посмотреть наши работы, этот прокляты 1000 й...
(франц.)], - сказал он. Вследствие чего, не находя больше интереса на перемирии,
юнкер барон Пест поехал домой и уже дорогой придумал те французские фразы,

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой to1stoyleo.ru которые теперь рассказывал. На бульваре были и капитан Зобов, который громко разговаривал, и капитан Обжогов в растерзанном виде, и артиллерийский капитан, который ни в ком не заискивает, и счастливый в любви юнкер, и все те же вчерашние лица и вес с темп же вечными побуждениями лжи, тщеславия и легкомыслия. Недоставало только Праскухина, Нефердова и еще кой-кого, о которых здесь едва ли помнил и думал кто-нибудь теперь, когда тела их еще не успели быть обмыты, убраны и зарыты в землю, и о которых через месяц точно так же забудут отцы, матери, жены, дети, ежели они были или не забыли про них прежде.

- А я его не узнал было, старика-то,- говорит солдат на уборке тел, за плечи поднимая перебитый в груди труп с огромной раздувшейся головой, почернелым глянцеви́тым лицом и вывернутыми зрачками,- под спину берись, Морозка, а то как бы не перервался. Ишь, дух скверный!

"Ишь, дух скверный!"- вот все, что осталось между людьми от этого человека.....

16

На нашем бастионе и на французской траншее выставлены белые флаги, и между ними в цветущей долине кучками лежат без сапог, в серых и в синих одеждах, изуродованные трупы, которые сносят рабочие и накладывают на повозки. Ужасный, тяжелый запах мертвого тела наполняет воздух. Из Севастополя и из французского лагеря толпы народа высыпали смотреть на это зрелище и с жадным и благосклонным любопытством стремятся одни к другим.

Послушайте, что говорят между собой эти люди. Вот в кружке собравшихся около него русских и французов молоденький офицер, хотя плохо, но достаточно хорошо, чтоб его понимали, говорящий по-французски, рассматривает гвардейскую сумку.

- Э сеси пуркуа се уазо иси? - говорит он.

- Parce que c'est une giberne d'un regiment de la garde, monsieur, qui porte l'aigle imperial.

- Э ву де ла гард?

- Pardon, monsieur, du sixieme de ligne.

- Э сеси у аште? [- Почему эта птица здесь?

- Потому что это сумка гвардейского полка; у него императорский орел.

- А вы из гвардии?

- Нет, извините, сударь, из шестого линейного.

- А это где купили? (франц.)] - спрашивает офицер, указывая

на деревянную желтую сигарочницу, в которой француз курит папиросу.

- А balaclave, monsieur! C'est tout simple - en bois de palme [В Балаклаве. Это пустяк-из пальмового дерева (франц.)].

- Жоли! - говорит офицер, руководимый в разговоре не столько собственным произволом, сколько словами, которые он знает.

- Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligerez [Вы меня обяжете, если оставите себе эту вещь на память

о нашей встрече (франц.)]. - и учтивый француз выдувает папироску и подает офицеру сигарочницу с маленьким поклоном. Офицер дает ему свою, и все присутствующие в группе, как французы, так и русские, кажутся очень довольными и улыбаются.

Вот пехотный бойкий солдат, в розовой рубашке и шинели внакидку, в сопровождении других солдат, которые, руки за спину, с веселыми, любопытными лицами, стоят за ним, подошел к французу и попросил у него огня закурить трубку. Француз разжигает, расковыривает трубку и высыпает огня русскому.

- Табак бун,- говорит солдат в розовой рубашке, и зрители улыбаются.

- Oui, bon tabac, tabac turc,- говорит француз,- et chez vous tabac russe? bon? [Да, хороший табак, турецкий табак,- а у вас русский табак?

хороший? (франц.)]

- Рус бун, - говорит солдат в розовой рубашке, причем присутствующие покатываются со смеху. - Франсе нет бун, бонжур, мусье,- говорит солдат в розовой рубашке, сразу уж выпуская весь свой заряд зна 1000 ний языка, и треплет француза по животу и смеется. Французы тоже смеются.

- Ils ne sont pas jolis ces betes de russes [Они некрасивы, эти русские скоты (франц.)],- говорит один зуав из толпы французов.

- De quoi de ce qu'ils rient donc? [Чего это они смеются? (франц.)] говорит другой черный, с итальянским выговором, подходя к нашим.

- Кафтан бун,- говорит бойкий солдат, рассматривая шитые полы зуава, и опять смеются.

- Ne sortez pas de la ligne, a vos places, sacre nom..... [Не выходите за линию, по местам, черт возьми... (франц.)] - кричит французский капрал, и солдаты с видимым неудовольствием расходятся.

А вот в кружке французских офицеров наш молодой кавалерийский офицер так и рассыпается французским парикмахерским жаргоном. Речь идет о каком-то comte Sazonoff, que j'ai beaucoup connu, monsieur [графе Сазонове, которого я хорошо знал, сударь (франц.)],-говорит французский офицер с одним эполетом,- c'est un de ces vrais comtes russes, comme nous les aimons [это один из настоящих русских графов, из тех, которых мы любим (франц.)].

- Il y a un Sazonoff que j'ai connu,- говорит кавалерист,- mais il n'est pas comte, a moins que je sache, un petit brun de votre age a peu pres.

- C'est ca, monsieur, c'est lui. Oh, que je voudrais le voir ce cher comte. Si vous le voyez, je vous pris bien de lui faire mes compliments. Capitaine Latour [- Я знал одного Сазонова,- говорит кавалерист,- но он, насколько я знаю, не граф, небольшого роста, брюнет, приблизительно вашего возраста.

- Это так, это он. О, как я хотел бы встретить этого милого графа. Если вы его увидите, очень прошу передать ему мой привет. Капитан Латур (франц.)],говорит он, кланяясь.

- N'est ce pas terrible la triste besogne, que nous faisons? Ca chauffait cette nuit, n'est-ce pas? [Не ужасно ли это печальное дело, которым мы занимались? Жарко было прошлой ночью, не правда ли? (франц.)] - говорит кавалерист, желая поддержать разговор и указывая на трупы.

- Oh, monsieur, c'est affreux! Mais quels gaillards vos soldats, quels gaillards! C'est un plaisir que de se battre contre des gaillards comme eux.

- Il faut avouer que les votres ne se mouchent pas du pied non plus [- О! это ужасно! Но какие молодцы ваши солдаты, какие молодцы! Это удовольствие-драться с такими молодцами!

- Надо признаться, что и ваши не ногой сморкаются (франц.)],-говорит кавалерист, кланяясь и воображая, что он очень мил. Но довольно.

Посмотрите лучше на этого десятилетнего мальчишку, который в старом, должно быть, отцовском, картузе, в башмаках на босу ногу и нанковых штанишках, поддерживаемых одною помочью, с самого начала перемирия вышел за вал и все ходил по лощине, с тупым любопытством глядя на французов и на трупы, лежащие на земле, и набирал полевые голубые цветы, которыми усыпана эта роковая долина. Возвращаясь домой с большим букетом, он, закрыв нос от запаха, который наносило на него ветром, остановился около кучки снесенных тел и долго смотрел на один страшный, безголовый труп, бывший ближе к нему. Постояв довольно долго, он

Севастополь в мае. Лев Николаевич Толстой tolstoyleo.ru подвинулся ближе и дотронулся ногой до вытянутой окоченевшей руки трупа. Рука покачнулась немного. Он тронул ее еще раз и крепче. Рука покачнулась и опять стала на свое место. Мальчик вдруг вскрикнул, спрятал лицо в цветы и во весь дух побежал прочь к крепости.

Да, на бастионе и на траншее выставлены белые флаги, цветущая долина наполнена смрадными телами, прекрасное солнце спускается к синему морю, и синее море, колыхаясь, блестит на золотых лучах солнца. Тысячи людей толпятся, смотрят, говорят и улыбаются друг другу. И эти люди – христиане, исповедующие один великий закон любви и самоотвержения, глядя на то, что они сделали, с раскаянием не упадут вдруг на колени перед тем, кто, дав им жизнь, вложил в душу каждого, вместе с страхом смерти, любовь к добру и прекрасному, и со слез 898 ами радости и счастья не обнимутся, как братья? Нет! Белые тряпки спрятаны – и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется невинная кровь и слышатся стоны и проклятия.

Вот я и сказал, что хотел сказать на этот раз. Но тяжелое раздумье одолевает меня. Может, не надо было говорить этого. Может быть, то, что я сказал, принадлежит к одной из тех злых истин, которые, бессознательно таясь в душе каждого, не должны быть высказываемы, чтобы не сделаться вредными, как осадок вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его.

Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все дурны.

Ни Калугин с своей блестящей храбростью (*bravoure de gentilhomme* [храбростью дворянина (франц.)]) и тщеславием, двигателем всех поступков, ни Праскухин, пустой, безвредный человек, хотя и павший на брани за веру, престол и отечество, ни Михайлов с своей робостью и ограниченным взглядом, ни Пест ребенок без твердых убеждений и правил, не могут быть ни злодеями, ни героями повести.

Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда.

1855 года, 26 июня.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://tolstoyleo.ru> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!